Екатериновка, небольшое село, затерявшееся в лесной глуши, превращается в дачный жилой массив. Летом сюда наезжают с ближних и дальних мест люди, чьи корни как-то связаны с этой деревней. Зимой в ней остается всего несколько семей. Остальные жители разъезжаются по своим постоянным адресам.

Николай Петрович Елистратов - безвыездный. В Екатериновке он живет и зимой, и летом. Один, в еще крепком небольшом домишке, приютившемся на взгорке, откуда, как на ладони, видна вся деревня. Когда-то она была славна многолюдьем, но со временем поразъехалась молодежь, а старшие повымерли. Стоят теперь дома сиротами и печально смотрят темными глазницами окон на безлюдные улицы.

А место-то благостное. Пруд большой изобилует рыбой, лес, начинающийся уже за околицей – грибами да ягодами. Природа удивительной красоты. Спокойствие патриархальной жизни цивилизация еще не похоронила окончательно. И только летом, когда понаедут сюда на отдых и дачное дело бывшие екатериновцы, да те, кто скупил по случаю тут дома, всплывают на поверхность бытия сельские проблемы.

— А кому их решать? – вопрошает Елистратов, - куда ни глянь – везде лес да дол. Значит самим надо, всем миром думать, как сгнивший сруб колодца

восстановить, как пруд от мусора очистить, как лес образить. Никто со стороны к нам не придет и за нас не переделает наши проблемы. А мое мнение таково: чисто там, где не мусорят. Мы эту науку пока еще не освоили, а потому пластиковая тара на каждом шагу. Заменить бы ее на бумажную, как в Китае, и проблема была бы снята.

Надо сказать, что призывы Николая Петровича не остались без внимания. Владимир Шулежко с Юрием Орешкиным расстарались и укрепили дамбу при въезде в село, теперь дорога по селу стала проезжей хотя бы в сухую пору.

— Но надо эту дорогу поддерживать от разлива и разбива уходом. Вот и задумали мы собирать с каждого двора взносы. Есть техника – по 500 рублей на эти цели, у кого нет – с того по 250 рублей, — делится заботами села Николай Петрович. — А, в общем, жить можно. Село большей частью огородами да садом кормится.

Еслистратов - мужик особенный. С давних пор пристрастился к разведению сада. Яблони и груши у него на участке желанные гости. Бродит по лесам и весям за ними, многие километры исходит, чтоб найти дичок. Я, говорит, сердцем чую, где дикая груша пробивается к свету. А найдет, обиходит, привьет, окультурит. Идут мимо люди, плоды вкушают с них. И невдомек им, чьих это рук дело. Многие десятки различных сортов груш собрал в своем саду Николай Петрович. За это его пристрастие, селяне, характеризуя Елистратова, красноречиво крутят пальцем у виска. А он только посмеивается. К счастью, наделен от природы оптимизмом и видит в окружающих людях и природе только хорошее. И нет для него плохой погоды.

Одаряет он со своего сада не только родных, местная ребятня нередко пользуется дарами его яблонь. Конечно, не без изюминки человек. Но это и

влечет к нему пытливый ум и доброе сердце. Даже суходольный бугор, неудобье, на котором разбил свой сад Елистратов, ныне благоухает и расцвечивает холм всеми цветами радуги весной и летом.

И родник с чистейшей ключевой водой пробился из-под земли, приветствуя звонким голосом хозяина.

Зимой, когда снежный саван покроет землю, садится Николай Петрович за поделки. На полках корзины диковинные и прочие плоды его умелых рук и пытливых глаз. Занят делом человек, и не может он сидеть сложа руки. А ведь восьмой десяток лет заканчивает отсчет.

Любознательность уводит его далеко от дома. Все окрестности обходил, старожилов порасспрашивал, почему этот овраг называется Тюриным, а тот Монаховым. В Тюрином овраге бьет родник целительной воды. Тянет он к себе местный люд с непреодолимой силой. Живет в народе поверье, что мужики с похмелья к этому роднику еще на заре тянулись с куском хлеба. Наспех делали тюрю. Попросту говоря, крошили в родниковую воду краюху, и ели это своеобразное кушанье. Говорят, помогало. Так с той поры и овраг, и родник Тюриными и прозвали. А еще к этому источнику жеребых лошадей водили на водопой. Зубы стынут от студеной водицы, но и люди, и животные пили ее на здоровье. И никакой простуды, только польза. Потомство у лошадей появлялось резвое и здоровое. И у людей хвори проходили.

Историю Монахова оврага поведал Николай Петрович. Был окрест монастырь. Место его расположения Елистратов пытался найти, и приблизительно определил. И в том овраге бьет ключ чистейшей воды. Видимо, к нему монахи хаживали за водой. Так и пошло с той поры: Монахов овраг.

Работал в свое время Николай Петрович на заводе «Орбита» на расточном станке, «микроны ловил», таковая была точность обработки деталей. Эта привычка выполнять любую работу скрупулезно и чрезвычайно точно, осталась у него на всю жизнь.

НИКОЛАЙ СКОБЛИКОВ